

Это было странно.

Всё совпадало до мелочей. Даже момент, когда лунный свет стал ярче, оказался точно таким же, как в романе.

И всё же... чем дольше Руан смотрел на Луизу, произносящую будто заранее написанные реплики, тем сильнее вместо прежнего холода по спине поднималось другое чувство — тихое, но настойчивое ощущение неправильности.

«Что не так? Что именно?»

Пока Руан пытался понять природу этого дискомфорта, герцог заговорил:

— Мой меч предназначен для того, чтобы отсекать всё, что угрожает моим землям, и защищать их.

Это был ответ на её намёк о мести — на вопрос, не собирается ли он однажды отрубить голову Фолькеру.

— Поэтому, если вы спрашиваете, как я намерен жить дальше, мой ответ прост: я продолжу жить ради защиты своих владений. Такова жизнь, которую я обязан вести как их хозяин. И ничто не может быть важнее этого.

Он ясно дал понять, что защита Рейнке для него важнее мести.

Луиза некоторое время молчала, глядя на герцога, который произнёс эти слова спокойно, но твёрдо. Затем она сказала:

— Значит, это ваш выбор, герцог.

И в этот момент Руан почувствовал ещё более явное ощущение несоответствия.

«Что... что здесь отличается?»

Но прежде чем он успел уловить ответ...

— Понимаю. В таком случае продолжать этот разговор нет смысла.

Луиза дала понять, что встреча окончена. Перед уходом она произнесла последнее:

— Надеюсь, у нас ещё будет возможность поговорить.

Эта реплика тоже дословно совпадала с романом. Намёк на то, что однажды герцог сам изменит решение и обратится к ней за сотрудничеством.

Как и разговор в хижине, дальнейшие действия Луизы, похоже, тоже пойдут точно по сюжету.

«Значит, в итоге всё развивается так же...»

Даже возвращаясь вместе с герцогом в замок, Руан не мог избавиться от странного ощущения, будто что-то ускользает от понимания.

Герцог, некоторое время наблюдавший за погружённым в мысли Руаном, наконец заговорил:

— Разве всё не оказалось так, как ты и говорил? Почему тогда вид у тебя такой, будто кот не смог выплюнуть комок шерсти?

От неожиданного сравнения, совершенно не вязавшегося с образом грозного герцога, Руан на секунду растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Ничего серьёзного. Просто есть что-то, что я вроде бы почти понял, но всё никак не могу ухватить. Куда важнее то, что мы успели закончить с шпионами до этого.

Конечно, Луиза появилась раньше, чем он ожидал. Но даже так двух недель оказалось достаточно, особенно учитывая, что подготовка уже шла, чтобы связаться со шпионами и попытаться склонить их на свою сторону. Тем более Руан тогда буквально горел решимостью оправдать доверие герцога.

Он вспомнил людей, которые оказались ближе, чем он думал. До самого конца он надеялся, что ошибается... но в итоге пришлось отказаться от этой надежды.

— И всё-таки человеческую душу не понять, — тихо сказал он. — Я был уверен, что они искренне любят Рейнке и работают ради него. А оказалось... они были готовы продать его просто потому, что перестали видеть здесь будущее.

Приманка, которую предлагали шпионам, почти всегда была одинаковой: жизнь в более тёплом и богатом месте. Жизнь, где будущее надёжнее и где можно добиться большего, чем в Рейнке, где ни лучшей судьбы, ни настоящего продвижения им не светило.

Руан понимал, что жизнь в Рейнке тяжела. Понимал и то, что иначе они не могли покинуть эти земли — закон не позволял. Но то, что ради этого они были готовы продать Рейнке и людей, живущих здесь... чем больше он думал об этом, тем горче становилось на душе.

Тем более сейчас — когда, как они обсуждали с Ральфом в столице, он уже готовил почву для перемен: историю, вложенную в продукцию Рейнке, растущую популярность «Сердца зимы», сильное впечатление, которое оставил герцог. Всё это должно было изменить отношение к Рейнке, привлечь внимание и в итоге помочь пересмотреть законы, сдерживавшие их земли.

Руан тяжело вздохнул, вспоминая некоторые лица.

Тогда герцог заговорил:

— Кстати... тот человек тоже говорил нечто подобное.

— Тот человек?

Руан не сразу понял, о ком речь, но герцог пояснил:

— Первая крыса, которую я поймал. Он всегда был рядом, и я не чувствовал от него враждебности, потому и ошибся.

Только теперь Руан понял, о ком он говорит.

«...Вассал, который был рядом с ним с детства. Значит, это действительно был он.»

Осознание того, что ещё одно его предположение оказалось верным, оставило неприятный осадок.

Руан посмотрел на герцога с тихой жалостью.

— Когда его поймали, он умолял пощадить его. Говорил, что всё это время был предан, просил сохранить ему жизнь ради прошлых заслуг... А потом перестал умолять и сказал другое. Спросил, неужели ему и дальше придётся жить в месте, где сколько ни старайся — ничего не изменится. Сказал, что хотел попасть туда, где можно проявить свои способности и получить признание.

Герцог, словно возвращаясь мыслями в прошлое, добавил:

— Я думал, что после этого стал внимательнее заботиться о своей территории. Но всё повторилось снова. Значит, проблема в моём способе?

Это был неожиданный упрёк самому себе.

Руан сразу же резко, почти горячо, возразил:

— Нет. Вы сделали всё возможное. Это правда. Я видел это своими глазами и могу подтвердить. Вы сделали очень многое, и Рейнке изменился именно благодаря вам. Разве нынешняя ситуация, даже если внешне похожа на прошлую, не отличается? Мы поймали шпионов ещё до того, как произошёл ущерб. И смогли убедить их без лишней крови.

Герцог удивлённо посмотрел на него. Руан редко говорил так эмоционально. Но тот не остановился:

— Сейчас мы просто на пути вперёд. Вы ведь продолжаете двигаться в лучшую сторону. Ваши земли будут становиться только лучше. На самом деле всё только начинается.

И Руан принялся перечислять перемены, которые уже начались.

После зимы, пережитой вместе с дворфами, Рейнке продолжал восстанавливаться и развиваться, опираясь на полученный опыт. Следующая зима наверняка окажется куда легче.

Во время поездки в столицу им удалось установить связи с людьми, заинтересованными в Рейнке. Пока ничего масштабного не началось, но обсуждения уже шли.

Рейнке больше не был изолированным владением, отрезанным от мира.

Кроме того, этой весной они начали сажать картофель. Ещё примерно три месяца, и можно будет собирать первый урожай. Это должно заметно улучшить продовольственное положение Рейнке.

Продажи товаров из монстров постепенно росли, а попытки изменить отношение к Рейнке проходили успешно. Если всё продолжится в том же духе, возможно, и пересмотр законов не займёт слишком много времени.

В Рейнке начали прорастать многочисленные перемены. И эти ростки уже тянули за собой новые изменения. Как и говорила Джулия, люди постепенно начинали верить, что их жизнь может стать лучше.

«А надежда приносит душевное спокойствие... Значит, на этот раз люди не поддадутся так легко на подстрекательства Луизы.»

— И ещё... — продолжил Руан. — Вы ведь теперь куда спокойнее разговариваете с людьми, без прежних недоразумений. Мне кажется, это тоже огромная перемена. Вы — хороший правитель, Ваша Светлость. И станете ещё лучше.

Начиная с рыцарей, которые всю поездку в столицу невольно играли роль его советников по любовным делам, и заканчивая подготовкой к свадьбе, взгляды людей на герцога постепенно менялись.

По замку ходили слухи: тот самый северный герцог, который когда-то без малейшего выражения лица казнил человека, близкого ему с детства, правитель, которого уважали, но боялись приблизиться, начал меняться, познав любовь.

Говорили, что у герцога, прежде напоминавшего скорее острый клинок, чем человека, появились человеческие черты.

Конечно, на деле всё было не совсем так... но благодаря этим разговорам жители Рейнке начали воспринимать его иначе — как человека, с которым можно говорить и которому можно довериться.

«Правда, то, насколько подробно все обсуждают историю с предложением, немного мучительно... Но, с другой стороны, именно это и помогло создать вокруг герцога более тёплую атмосферу.»

Разумеется, люди всё ещё боялись его и по-прежнему невольно съёживались, когда он что-то говорил или делал. Но перемены никогда не происходят мгновенно.

Для Руана уже было огромным достижением то, что теперь при встрече с герцогом люди не замирали с испуганным вскриком, а хотя бы пытались уловить его настроение и сделать шаг навстречу. Если так продолжится, со временем недопонимание между ними точно начнёт исчезать.

Руан, которого внезапно прижал к себе герцог и принялся с энтузиазмом бодать лбом, едва удерживая равновесие, подумал:

Рейнке менялся.

Менялся и сам герцог.

А значит, в этот раз Рейнке не позволит Луизе управлять собой.

Точно не позволит.

<http://bllate.org/book/12567/1117879>